

О ТЕАТРЕ, О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ

Последние месяцы минувшего года были поистине не примечательными для любителей театрального искусства. Но на сей раз речь пойдет не о театральных премьерах сезона, а о премьерах литературных. Одна за другой вышли в свет книги «Неповторимые мгновенья» М. Царева в издательстве «Молодая гвардия», «Ученики и учитель» Ю. Завадского и «Репетиция — любовь моя» А. Эфроса в издательстве «Искусство».

А ФИША, парадный подъезд, сверкающее огнями фойе и тишина зрительного зала. Театр. Извечно волнующий и обещающий праздник. Немыслимый и не существующий без двух непременных участников — зрителя и артиста. Потому что спектакль — это непрерывный диалог между человеком на сцене и человеком в зрительном зале.

«В чем же секрет бессмертия театра, сила его власти над человеком?» — задает себе вопрос автор книги «Неповторимые мгновенья» известный советский артист Михаил Иванович Царев. И сам же отвечает: «В живом контакте (между актером и зрителем), возникающим на каждом спектакле заново и делающим этот спектакль единственным... Если произведение литературы, музыки, живописи, кино создаются и живут независимо от людей, и которым они обращены, то произведение театрального искусства творится в непосредственном контакте со зрителем и при его участии».

Спектакль есть акт сотворчества театра и зрителя. В этом его неповторимость и могущественная сила...

Могущественная сила театра. Бессмертие театрального искусства. Этим вопросам посвящено немало театрореведческих работ и мемуаров, книг, написанных о театре и о его истории. Но особенно интересными представляются произведения, созданные художниками, непосредственно связанными с театральным творчеством: актерами и режиссерами, обратившимися к литературному

общению собственного театрального опыта.

Сценический путь М. И. Царева начался вместе с рождением советского театра. Петроград — двадцатых годов, школа драматического мастерства и первый выдающийся учитель — премьер петроградской сцены Ю. М. Юрьев. Работа в ЕДТ и Академическом театре драмы в Ленинграде, несколько лет странствий: театр Корша в Москве, и затем работа в провинциальных театрах Махачкалы, Казани, Симферополя. И снова новый театр и новый учитель — блистательный и всегда неожиданный Мейерхольд. И, наконец, Малый театр. На годы, на десятилетия, навсегда.

Сложнейшие роли мирового и отечественного репертуара: Чайкин и Федор Протасов, Арбенин и шенспиорский Макбет, Иванов, Фамусов, Вожак в «Оптимистической трагедии» и советник Маттиас Клаузен из пьесы Гауптмана «Перед заходом солнца». Это лишь самые значительные вехи актерской биографии Царева. А ведь множество воспоминаний и врезавшихся в память деталей стоит на каждой — и малой и большой ролях.

В книге «Неповторимые мгновенья» немало подробностей театрального бытия разных эпох, вереница достоверных и точных зарисовок о замечательных актерах и режиссерах прошлого, творческие портреты лучших современных режиссеров и актеров, размышления о задачах драматурга, сыгранных ролях и о своей сценической судьбе.

В этой очень личной книге взволнованно и страстью звучит голос публициста, остро ставящего проблемы художественности, вопрос о назначении театра, его призвании и долге.

РУССКАЯ театральная культура знала немало выдающихся имен, вписала в страницы своей истории удивительные биографии и судьбы.

Эпоха Станиславского. Необозримый художественный мир, открытый Мейерхольдом. Театр Вахтангова. Волшебное искусство Улановой. Достоиние не только русской, но и мировой театральной культуры, ее питательная среда, ее великое прошлое. Особое — театральное — прошлое.

«Сценическое искусство — единственное, от которого не остается никаких памятников, — не может оставаться, так как единственный его

материал есть биение живого сердца в данную минуту, аффективное чувство, рождающееся здесь же, при зрителе, волнующееся и волнующее сердце зрителя...» — эти слова друга и соратника Станиславского Л. А. Сulerжицкого приводят в своей книге «Учителя и ученики» народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда Юрий Александрович Завадский.

Стремясь сохранить для потомков «мечты о творчестве и идеалах» театральных художников прошлых поколений, вдохнуть жизнь в застывшие фотографии театрального далека, он бережно и увлеченно рисует творческие портреты выдающихся мастеров театра от Станиславского до наших дней.

Сцена счастливо свела Ю. Завадского с личностями незаурядными и яркими. «Всем, что я сделал в искусстве, я обязан своим учителям. Но не менее велика долг перед теми, с кем прожита вся жизнь, — перед учениками».

Всем, что я сделал в искусстве...

Пожалуй, именно созданное самим Ю. Завадским за долгие годы работы в театре определило круг героев, к которым он стремился в своих мемуарах. Он пишет о единомышленниках, о людях, с которыми солидарен в понимании законов творчества и высоких принципов художественности. «Говоря о тех, чьим творчеством и человеческим обаянием я восхищаюсь, я, естественно, делаю своим пониманием времени и места театра в нем, наконец, своей уверенностью в неисчерпаемой силе сцены».

Мемуары — трудный литературный жанр. Ю. Завадский избрал чуть наиболее сложный. Каждая глава его книги — это размышление о призвании художника, об особенностях его творческого почерка, об оправданности и жизненности его художественных взглядов и принципов. Особенно показателен в этом отношении рассказ о Станиславском и его системе,

ме, рассказ о театре, поднятом на ту высоту, где «он, освободившись от ремесленнического равнодушия, от лжи дешевых эффектов и поверхности формотворчества, приобрел подлинную духовную силу, стал настоящим учителем жизни».

ТЕАТР — это чудо и легенда, и вечный труд, это исследовательская лаборатория режиссера и актера, мастерская, где рождается, по крупинкам складывающаяся, спектакль.

«Репетиция — любовь моя» — так назвал свою книгу А. Эфрос и словно разрешил нам, читателям, присутствовать при созидании спектакля, заглянуть в театр с того непародного, запретного входа, который ведет за кулисы, туда, где вешился трудный поиск единственно верной трактовки, точного образа, характера, слова, костюма, интонации, жеста, где мировоззрение художника вступает в спор со стихией драматургического материала. И в споре, как обычно, рождается решение — как должно прозвучать слово, о чем должно быть оно.

В послесловии к книге А. Эфроса Ю. Завадский отметил, что автор «принадлежит к тем редким режиссерам, кому интересно постоянно углублять и развивать свои постановочные идеи. Книга — своеобразное свидетельство этого умения развивать, усиливать свою мысль от репетиций к репетиции. Составленная из отдельных небольших глав, связь которых дает нам возможность как бы во времени ощутить процесс созревания режиссерской мысли, писалась она многие годы, и это движущее время необычайно интересно в ней».

Главки — размышления, включенные А. Эфросом в книгу, относящиеся ко многим спектаклям современного и классического репертуара, поставленным им в разное время в разных театрах и на телевидении. Эфрос принадлежит к тем редким режиссерам, у которых никогда не было равнодушного зрителя. Думаю, что и у книги «Репетиция — любовь моя» не будет равнодушного читателя. Его просто не может быть, потому что такова природа эфросовского таланта — пробуждать умы, вызывать полемику, заражать жаркий спор.

Т. ЯССОН.

«Св. шедевр», Рига, 1978, 18 июля